

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ БУКВАРИ XVI В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

EASTERN SLAVIC PRIMERS OF THE 16TH CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Мошкова Л.В.

Старший научный сотрудник ФГНУ ИТИП РАО

E-mail: lvmoshkova@gmail.com

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ восточнославянских учебников для обучения чтению, изданных в XVI в. на украинско-белорусских землях, начиная с букваря Ивана Федорова 1574 г. и заканчивая «Наукой» Лаврентия и Стефана Зизаниев 1596 г. Данные книги сравниваются как между собой, так и с другими славянскими букварями, изданными в этом столетии в Польше, Германии, Италии, Богемии и других странах. Раскрываются причины их сходства и различия, выявляются и объясняются процессы влияния учебников иных христианских конфессий на восточнославянские учебники XVI столетия.

Ключевые слова: восточнославянские буквари XVI в., Иван Федоров, состав и содержание букварей, Лаврентий Зизаний, Стефан Зизаний, польские буквари, буквари для славянского населения, изданные в Тюбингене, Венеции и других городах

Moshkova L.V.

Senior research fellow at the Institute of Theory and History of Education of the Russian Academy of Education

E-mail: lvmoshkova@gmail.com

Annotation. The article presents a comparative analysis of the eastern Slavic primers, published in the 16th century on Ukrainian and Belarussian territory, from the primer published by Ivan Fedorov in 1574 to the “Nauka” textbook published by Lavrentiy and Stefan Zizaniy in 1596. The textbooks are also compared to other Slavic primers published in the same century in Poland, Germany, Italy, Bohemia and other countries. The author reveals the reasons for their similarities and differences, explains the processes which lead to the influence of other Christian confessions on eastern Slavic textbooks of the 16th century.

Keywords: eastern Slavic primers of the 16th century, Ivan Fedorov, contents of the primers, Lavrentiy Zizaniy, Stefan Zizaniy, Polish primers, primers for the Slavic population published in Tubingen, Venice and other cities.

Основными задачами сравнения корпуса восточнославянских букварей XVI в. представляется выявление общего и специфического в их составе и содержании и объяснение (раскрытие) причин, определяющих их сходство или различие. По определению В.Г. Безрогова и О.Е. Кошелевой, такой подход характерен для «обычного» сравнения: оно «имеет в центре некий объект/процесс, который сопоставляется с другими» [1, с. 7]. Рассуждая об этом в статье о методологических аспектах сравнительного исследования, указанные авторы попытались разграничить «сравнительные» и «компаративистские» исследования. Надо признать, что терминологически развести эти типы им почти удалось¹. Так, со ссылкой на мнение М. Блока отмечено, что «компаративистское исследование особенно корректно тогда, когда между сравниваемыми объектами нет видимой исторической связи» [1, с. 17]². Из этого сделан непротиворечивый вывод, что «историко-педагогическая компаративистика одной из своих задач имеет... обнаружение аналогий и объяснение отличий у не связанных напрямую друг с другом педагогических явлений и процессов» [1, с. 15]. Однако, говоря о собственно учебной литературе, авторы предпочитают использовать термин «сравнение», так как у любого учебного текста одна цель, а сам учебник, по мнению авторов, представляет общечеловеческую историко-культурную данность [1, с. 14–15]. В связи с этим возникает достаточно принципиальный вопрос: на каком уровне сравнение становится компаративистикой? Вероятно, и для авторов это самый трудный вопрос, поскольку целью компаративного исследования признается «выявление... всего потенциала локальной дидактической мысли... поверх национальных границ» [1, с. 15]. Надо сказать, что «национальные границы» для XVI в. понятие не только весьма условное, но применительно к восточнославянскому ареалу и не совсем верное. Культуры стран, входящих в регион *Slavia Orthodoxa*, генетически и типологически близки, поэтому априорно можно предполагать достаточно большое сходство отдельных историко-педагогических феноменов, одним из которых являются буквари.

Итак, с определением основного предмета исследования – восточнославянские буквари XVI в. – проблем не возникает. Однако сравнение их между собой – задача по меньшей мере неинтересная (о причинах этого см. ниже). Соответственно, выбор «второго объекта» для сравнения должен быть продиктован теми вопросами, которые следует задать источнику, и теми ответами, которые мы хотим получить в результате. Вероятно, не замахиваясь на проведение в полной мере компаративного исследования, следует на данном этапе ограничиться «обычным» сравнением, выбрав для него буквари (и азбуки), распространенные в более широком регионе *Slavia Christiana* в XVI в. В результате сравнения можно будет, во-первых, выявить то общее, что объединяло все эти учебники, и то особенное, что было присуще той или иной «национальной» культуре, будь она

¹ Невозможность полностью разделить эти термины кроется в их синонимичности: один является иностранным заимствованием, другой – его переводом на русский язык.

² Основываясь на этом утверждении, следует признать, что наиболее корректно компаративистское изучение европейской учебной литературы и китайской (или индийской), поскольку «видимой» связи между ними нет. Но в этом случае может существовать «невидимая» связь, базирующаяся на общих психофизиологических особенностях *Homo sapiens* как вида.

восточно- или западнославянской³, а во-вторых, раскрыть и объяснить процесс возможных влияний и заимствований⁴.

Что можно отнести к «влияниям», а что к «заимствованиям»? Вероятно, заимствованием стоит называть включение того или иного учебного материала в том виде, в котором он представлен в «источнике», то есть исходном букваре или другом памятнике. Очевидно, что материал азбучной части букварей и азбук (алфавит и слоги) нельзя считать заимствованным: он отражал принятую в то время методику обучения чтению – буквослагательный метод, который был распространен в Европе повсеместно.

Иное дело – тексты, включенные в хрестоматийную часть. Но и здесь заимствованными можно считать только те, которые представляют специфическую подборку, восходящую к иному, ранее появившемуся учебнику, или тексты, дословно совпадающие. Однако, как верно было замечено, буквари и азбуки «в силу различия языковых систем... за редким исключением не могли быть напрямую использованы и переведены» [1, с. 17], поэтому следует признать, что в подавляющем большинстве случаев замеченное между двумя (или больше) учебниками сходство следует считать влиянием. Данный термин более широкий и, как представляется, более удобный. Кроме того, хорошо известно, что сходные мысли могут появиться у двух авторов-составителей независимо друг от друга, а использованные приемы могут быть продиктованы или общей методикой обучения, или иными более общими причинами.

Переходя к сравнительному рассмотрению восточнославянских букварей XVI в. необходимо напомнить, что учебники этого времени сохранились плохо, независимо от места их издания. Зачастую в распоряжении исследователей есть несколько экземпляров, находящихся в хранилищах разных стран, при этом некоторые из них могут быть в той или иной степени дефектны (а от некоторых сохранилось лишь несколько листов). Все это сильно затрудняет изучение самых ранних славянских учебников.

В XVI столетии все восточнославянские буквари издавались на белорусско-украинских землях, входивших в состав Речи Посполитой. Автором-составителем первого учебника был Иван Федоров – печатник, деятельности которого посвящена огромная литература⁵. Им были подготовлены три издания: букварь 1574 г., малообъемный двуязычный греко-славянский букварь 1578 г. и букварь 1578–1580 гг.⁶ Первая книга вышла во Львове, остальные в Остроге. В последние годы XVI столетия в Остроге и Вильно вышли несколько новых изданий, восходящих к острожскому букварю Ивана Федорова или являющихся его перепечатками⁷.

⁵ В изданном недавно справочнике учтено 3388 работ, вышедших в 1574–2009 гг. (см. [9]).

⁶ Описание изданий, библиографию и снимки отдельных страниц см. [2, с. 450–451, № 58; с. 504–505, № 69; с. 531–532, № 72; рис. 58.1, 69.1–69.2, 72.1–72.14].

⁷ Дата выхода некоторых определяется не годом, а временным интервалом: 1580–1591 гг., ок. 1595 г., 1596 г. (Часовник с букварем) и 1598 г. (см. [2, с. 570, № 80, рис. 80.1–80.5; Кн. 2, с. 999, № 139, рис. 139.1–139.4; с. 1018–1019, № 144; с. 1086–1087, № 164, рис. 164.1–164.2]). В предыдущей работе по недосмотру автора в перечень этих изданий был ошибочно включен учебник, изданный Иваном Федоровым (см. [8, с. 88 сноска 1]).

Свои книги Иван Федоров издавал в поликонфессиональной и полиэтнической среде, на территории государства, где существовали школы представителей иных конфессий и распространялись соответствующие учебные книги. Отрицать возможность знакомства Федорова с этой традицией по меньшей мере странно: трудно представить, что, принимаясь за такое важное, но совершенно новое для него дело, первопечатник не познакомился с пособиями, по которым учились читать дети иных христианских конфессий. В первую очередь это могли быть кириллические буквари, напечатанные в Германии (Тюбинген), и учебники на польском (и латинском) языках, изданные в Речи Посполитой. Для сравнения можно также привлечь глаголический венецианский букварь 1527 г., чешский учебник, изданный в 1547 г., а также тюбингенские глаголические издания.

Сравнительное рассмотрение букварей логично начать с азбучной части⁸.

Поскольку обучение начиналось с изучения алфавита, в начале букварей располагался алфавитный ряд (обычно в прямом порядке). Так, в венецианском глаголическом букваре 1527 г. помещен один азбучный ряд, в чешском букваре 1547 г. – пять рядов с разной графикой и последовательностью⁹; в польском букваре 1556 г.¹⁰ – три ряда; в глаголической и кириллической *Tabla za dicitu* 1561 г. – три ряда; в напечатанном латиницей тюбингенском букваре 1566 г. – четыре ряда¹¹; в краковском польско-латинском *Elementaria* 1575 г.¹² – два ряда¹³.

В букварях Ивана Федорова, выпущенных в 1574 и ок. 1578 г.¹⁴, три алфавитных ряда (буквы в них одного размера). Первый – в прямом порядке, второй – в обратном, третий столбцами по пять букв, то есть в строке буквы стоят вразбивку¹⁵. Этот оригинальный прием был направлен на лучшее запоминание графем и преодоление стереотипа (в том числе звукового), сложившегося при знакомстве с алфавитом, данным в прямом порядке¹⁶.

Двух- и трехбуквенные слоги в букварях Ивана Федорова занимают около пяти страниц, тогда как в упоминавшихся выше изданиях одну – полторы страницы. Увеличение доли слогового материала в букварях Федорова было направлено на постепенный

⁸ Подробнее об этом см. [7].

⁹ Использован готический шрифт. Последний азбучный ряд содержит «дополнительные» буквы, передающие особенности фонетического строя чешского языка.

¹⁰ Алфавиты набраны готическим шрифтом. Благодарю М.А. Корзо за копию букваря Петра Секстиса 1556 г.

¹¹ Первые два ряда – «*Latinsku Abese*», то есть строчные и заглавные буквы шрифта антиква, третий и четвертый – «*Nemshku Abese*», то есть аналогичные буквы готического шрифта, который из-за своего рисунка труднее для запоминания.

¹² Для латинского текста и алфавита использована антиква, польский «подстрочник» и «*Literae polonicae*» набраны готическим шрифтом.

¹³ Два и более алфавитных ряда отличаются, во-первых, размерами букв, во-вторых, графикой, так как строчная и заглавная буквы выглядят не одинаково.

¹⁴ Из анализа исключен Греко-славянский букварь, поскольку задачей этого небольшого пособия было научить читать по-гречески тех, кто уже освоил славянскую грамоту.

¹⁵ В привлеченных славянских букварях того времени подобные «непрямые» азбучные ряды не встречаются.

¹⁶ Подробнее о трудностях обучения по буквослагательному методу см. [10, с. 180–182].

переход от простого к более сложному, так как изучение слогов отодвигало переход к чтению целых слов и закрепляло знание алфавита.

Принцип постепенности прослеживается и в следующем разделе учебников Ивана Федорова, который носит название «От книги осмочастных, сиречь грамматикии». Из названия видно, что, изучая помещенный здесь материал (читая слова), ученик получал представление об основных грамматических категориях: склонении, спряжении, страдательном залоге глагола; в подразделе «По прозодии» – о повелительном наклонении глагола и изменении значения слова в зависимости от ударения, а переходя к следующему подразделу «По орфографии», не только знакомился со словами под титлом, но параллельно узнавал, как склоняются имена существительные, прилагательные и другие части речи. Это свидетельствует о том, что Федоров считал необходимым ввести элементы аналитического обучения языку¹⁷ уже во время обучения чтению. Надо подчеркнуть, что два подраздела, помещенные после слогов до связного текста, не имеют аналогии в славянских букварях того времени¹⁸.

Обширная, хорошо разработанная учебная часть, которая в букварях Федорова занимает около половины книги, не находит аналогии в других славянских учебниках рассматриваемого периода¹⁹. В увеличении ее объема мне видится последовательное применение одного из основных положений дидактики – принципа постепенности. Помимо этого данный учебник отличался от современных ему славянских пособий введением элементов аналитического обучения языку.

В начале хрестоматийной части букварей Федорова расположен акростих «Аз есмь всему мира свет», являющийся первым связным текстом для чтения. Аналогичный прием характерен для тюбингенского букваря 1561 г.: после слогов помещен акростих «Аз бо есам Бог». Возможно, перед нами первый пример влияния ранее выпущенных изданий на восточнославянский букварь. Надо отметить, что акростих соединяет две части учебника своеобразным «мостиком»: с одной стороны, это уже связный текст, имеющий свой смысл, с другой – начальные буквы строк представляют алфавитный ряд (некоторые строки могут начинаться названием соответствующей буквы) и тем самым закрепляют уже пройденный материал.

¹⁷ Желание познакомить учащегося с гласными и согласными буквами (т.е. основными фонетическими категориями) во время изучения слогового материала проявилось в краковском издании 1575 г. Но этот учебник не в полной мере можно считать начальным: он был предназначен для изучения латинского языка теми, кто уже умел читать по-польски.

¹⁸ Довольно объемный грамматический материал, содержащий правила спряжения глаголов, склонения прилагательных, числительных и т.п., был характерен для польско-немецких разговорников или самоучителей (первое издание вышло в 1539 г.), распространенных на территории современной Западной Украины (см. [4, с. 37–38]).

¹⁹ Следует отметить одно новшество, внесенное составителями в учебную часть Острожского букваря 1598 г. В конце учебной части здесь помещены «Прозодия», «Строчная» и «Число церковное» (см. [2, кн. 2, с. 1086, № 164]). Эти небольшие разделы, содержащие диакритические и пунктуационные знаки, а также кириллические цифры, позднее станут неотъемлемой частью учебной части восточнославянских букварей.

В венецианском букваре 1527 г. и польском 1556 г. хрестоматийная часть начинается молитвой «Отче наш». В чешском учебнике перед этой молитвой находится рифмованный алфавит, который «сложил Ян Гус», в польско-латинском букваре 1575 г. указанная молитва является третьим текстом для чтения. Мы видим, что практически все авторы-составители считали ее одним из важнейших учебных текстов. Это понятно: «Отче наш» – единственная молитва, содержащаяся в Евангелиях, и единственная, которую впервые произнес сам Иисус Христос.

В букварях Федорова перед «Отче наш» две страницы занимают тексты кратких молитв, которые в целом совпадают с началом служб суточного круга²⁰. Другие молитвы, содержащиеся в его букварях, также взяты из чинов общественного богослужения²¹. Интересно отметить, что Федоров включил в свой букварь не очень распространенный текст – молитву Манасии, царя Иудейского, характерную своей покаянной направленностью²². Возможно, здесь перед нами второй пример влияния учебников иных конфессий на букварь Федорова: эту молитву мы находим в польско-латинском букваре 1575 г., изданном кальвинистом Мачеем Вижбентой [5, с. 485, 487]²³.

В учебниках Ивана Федорова нет молитв до и после трапезы, утренних и на ночь, которые с этого времени появляются в польских изданиях и которые христианин должен был читать дома в соответствующее время²⁴. Отсутствуют «Десять заповедей» и другие тексты, характерные для польских букварей²⁵. Вероятно, выбор молитв из чинов общественного богослужения свидетельствует о том, что Федоров (возможно, подсознательно) ориентировался на моноконфессиональную среду и великорусскую традицию²⁶.

Но есть ряд текстов, которые содержатся практически в любом славянском букваре независимо от места издания. Помимо молитвы «Отче наш» к ним относятся: излагающий основные догматы христианства Символ веры и «Радуйся, Мария» (в православной традиции «Богородице дево, радуйся») [5, с. 478–488]. Эти тексты встречаются и в первых восточнославянских букварях.

²⁰ О совпадении набора этих текстов с упоминаемыми в трактате Константина Костенецкого см. [6, с. 219–220].

²¹ М.А. Корзо упоминает «порядок богослужения» – текст, включенный в некоторые польские учебники (см. [5, с. 487]). Однако что именно он собой представлял, исследовательница не раскрыла, поскольку это не входило в задачи исследования.

²² В православной традиции она помещалась в чине великого повечерия и пения двенадцати псалмов.

²³ См. [5, с. 485, 487]. Этот букварь вышел позже первого учебника Ивана Федорова, но, учитывая степень сохранности польских учебных книг этого времени, нельзя отрицать, что данный текст мог содержаться в не дошедшем до нас издании.

²⁴ Можно сказать, что буквари Федорова предназначены тем, кто молится только в церкви.

²⁵ Данные тексты проникают в восточнославянские буквари позднее, на рубеже XVI–XVII вв. (см. [3, с. 87–97]).

²⁶ Об этом говорят и слова авторского послесловия, в которых составитель счел нужным подчеркнуть, что писал «не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения». Такая апелляция к авторитетам была более уместна в московских изданиях, которые были невиданным до этого делом, тогда как на территории Речи Посполитой учебная книга к тому времени уже стала явлением привычным.

После молитв Иван Федоров поместил отрывки из ветхозаветных книг: выдержки из Притчей Соломона и Посланий ап. Павла [6, с. 221–222]. В этой части явно видна учительная, назидательная составляющая, а сами тексты адресованы не только детям, но родителям и воспитателям. Желание наставить, воспитать ученика на Библии роднит буквари Ивана Федорова с протестантскими книгами, в которых это направление выражено наиболее отчетливо²⁷.

В конце второго учебника – букваря, изданного в Остроге около 1578 г., Федоров поместил сказание «Како состави святыи Кирилл Философ азбуку по языку словенску». Этот памятник нельзя отнести ни к литургическим, ни к библейским. Светским в полной мере он считаться не может, и более корректно называть его «историко-апологетическим», поскольку он повествует о создании славянской азбуки и переводе книг с греческого. Основная цель включения сказания в букварь – утверждение древности и авторитетности церковнославянского языка и алфавита, который составил «святой муж», и «разума», который «Бог дарова словяном». Однако надо заметить, что для современной Федорову славянской традиции включение подобных текстов в учебник – явление совершенно не характерное и потому несколько загадочное.

Подводя итог сравнительному рассмотрению букварей Ивана Федорова (и восходящих к ним изданий) с другими учебниками, изданными в регионе *Slavia Christiana*, надо отметить, что первопечатник работал в рамках существовавшей традиции и его издания типологически близки к книгам, предназначенным для католического и протестантского населения. Учебники хорошо продуманы и организованы, а полиграфическое оформление нельзя сравнить с более поздними восточнославянскими изданиями.

В конце XVI в., когда еще продолжают издаваться буквари, восходящие к учебнику Ивана Федорова, возникает новая традиция, ориентирующаяся как на другие образцы, так и на иную конфессиональную среду. К этой традиции относятся два издания. Точное время выхода первого из них – виленского букваря, напечатанного в типографии Мамоницей – неизвестно, исследователи датируют его 1593–1601 гг. [2, кн. 2, с. 893, № 126, рис. 126.1]²⁸. Заглавие книги – «Начало учения детем...» явно восходит к Острожскому букварю Ивана Федорова, но в остальном это совершенно иной учебник.

Первое явное отличие от букварей первопечатника – уменьшение объема книги, которая состоит всего из 22 листов. Учебная часть также сильно сокращена (5,5 листа) и включает: азбучные ряды, слоги из двух, трех, пяти букв; азбучный акростих и слова под титлом [2, кн. 2, с. 893, № 126, рис. 126.1]. Авторы не только редуцировали, но и перекомпоновали учебный материал в начале книги. К чтению связного текста ученик должен был переходить, минуя предыдущую ступеньку – чтение целых слов.

²⁷ Так, тематические подборки цитат из Писания включены в польско-латинский букварь 1575 г. (см. [5, с. 484]).

²⁸ Поскольку сохранился только один экземпляр издания в Бодлеанской библиотеке (Оксфорд), о составе букваря приходится судить по описанию.

Такая «поспешность», предложенная составителем, вряд ли облегчала процесс обучения (см. выше). Полагаю, что в этом издании следует видеть влияние польской учебной книги, где учебная часть всегда была небольшой по объему. Хотя А.А. Гусева определяет язык издания как церковнославянский [2, кн. 2, с. 893, № 126, рис. 126.1], из приведенных исследовательницей заголовков видно, что в текст учебника (хотя бы на уровне заглавий разделов и текстов) проникают элементы простой мовы (литературного языка Западной Руси) и полонизмы («Наука писма...», «Вызнание веры...»)²⁹.

Хрестоматийная часть состоит из молитвы «Отче наш», Символа веры и пяти азбучных акростихов (азбук толковых). С одной стороны, помещение акростихов соотносится с предыдущей традицией, с другой – порывает с ней, поскольку эти тексты помещены вместо привычных молитв и отрывков из Писания. Вряд ли акростихи можно считать текстами «более светскими», но то, что они представляют типологически иной учебный материал, очевидно.

Второе издание – учебник, подготовленный братьями Лаврентием и Стефаном Зизаниями, напечатан в типографии Виленского братства в 1596 г. [2, кн. 2., с. 1026-1027, № 149]. Само название – «Наука ку читаню и розуменю писма словенского, ту тыж о святой Троицы и о въчловечении Господни» – нехарактерно для более ранних изданий. Во-первых, в нем явно видно влияние польских учебников для обучения чтению, название которых начиналось этим же словом «наука»³⁰. Перечисление в заглавии содержащихся в учебнике тем (вероятно, наиболее важных, с точки зрения составителей) также заставляет вспомнить польские учебники этого времени³¹.

После заглавия на первой странице учебника братьев Зизаниев помещены два азбучных ряда: в прямом и смешанном (столбцами) порядке. Далее, без какого либо отступа, даны двухбуквенные слоги. Общий объем слогового материала три страницы.

После заставки и заглавия «Предословие» помещены четыре молитвы. Первая – «до Господа нашего Иисуса Христа» – напечатана таким же крупным шрифтом, что и слоги. На следующей странице более мелкими буквами дано ее «объяснение». Язык этого текста может быть назван церковнославянским гибридным, так как в нем чувствуется влияние простой мовы. Совершенно очевидно, что этот текст читать ученику самостоятельно было трудно: его должен был излагать учитель. Вероятно, обучение чтению предлагалось сочетать с катехизаторством.

Вторая молитва – «до Святого Духа» – объединяет под одним заглавием несколько текстов, которые находились в начале хрестоматийной части букварей Ивана Федорова. То же можно сказать и о двух других молитвах «до святой Троице» и «дъ Бога Отца». Таким образом, братья Зизании достаточно произвольно разделили тексты, которыми

²⁹ Слово «наука» встречается в заглавии многих польских букварей этого времени.

³⁰ Так, в составе софийского конволюта присутствуют: «*Nauka ku czitaniu pisma polskiego*» (львовский букварь 1599 г.); «*Nauka czytania pisma polskie*» (краковский букварь 1601 г.)

³¹ В названии упомянутого львовского букваря сказано: «*z figurami przylozone so nabozne modlitwy u psalmy*».

начиналась хрестоматийная часть в федоровских букварях, на четыре молитвы: трем лицам Святой Троицы по отдельности и Троице как таковой. Затем помещен Символ веры, текст которого, вероятно, также заимствован из более ранних букварей, но в нем убран подзаголовок «Второго собора», который отделял заключительную часть текста (со слов: «и в Духа Святаго истиннаго и животворящаго...»)³².

Идущий далее «Лексис, сиречь речения, въкратъце събранны и из словенскаго языка на простыи рускии диялект истолкованы», который включает 1601 слово, также написан на гибридном церковнославянском языке. В конце книги составители поместили «Изложение о православной вере» и «О знаменнии крестном». Эти тексты были ориентированы на усвоение норм, важных для православных жителей Речи Посполитой: в повседневной жизни в условиях иноконфессиональной среды ритуальные парадигмы могли размываться.

Набор текстов в букваре братьев Зизаниев свидетельствует, прежде всего, о том, что учебник предназначен для обучения детей, находящихся в поликонфессиональной среде, а также о том, что ситуацию диглоссии (когда язык богослужения и в целом письменной культуры был церковнославянским) здесь сменяет двуязычие (литературный язык формируется на основе церковнославянского, но под сильным влиянием простой мовы, включающей и полонизмы)³³. Вероятно, именно поэтому в заглавии учебника нет слова «писание», которое, конечно, в первую очередь, ассоциируется с книгами Священного писания, а не просто с письменным текстом. Надо отметить, что немногим ранее «Науки» вышла «Грамматика» Лаврентия Зизания. Возможно, некоторую «бедность» хрестоматийной части «Науки» предполагалось компенсировать обучением по «Грамматике»³⁴.

Первые восточнославянские буквари были изданы на украинско-белорусских землях Речи Посполитой, в полиэтнической и поликонфессиональной среде, где православие не было господствующей религией. Католический букварь на этих землях появился раньше и довольно сильно отличался от учебников Ивана Федорова. И именно на эти издания с конца XVI в. ориентировались белорусские и украинские авторы при подготовке своих книг.

Причин этого было несколько.

Во-первых, традиция доминирующей католической религии могла представляться более престижной.

Во-вторых, буквари, сходные с католическими и протестантскими учебниками, могли восприниматься как своеобразный православный ответ «иной» религии, поскольку вопросы вероисповедных различий на этих землях были достаточно острыми и актуальными.

В-третьих, в католической традиции этого времени катехизическая направленность учебной литературы ощущалась достаточно явно: тексты для чтения, прежде всего, были

³² В букваре Ивана Федорова текст дан в процитированном виде, но в «Науке» заключительный слог в слове «святаго» не только напечатан после пробела, но и с титлом (!) наверху. Поэтому читать эти слова надо как: «И в Духа свята Господа животворящаго...». Что перед нами: типографская ошибка или редактирование текста, – сказать трудно.

³³ Понятия «диглоссия» и «двуязычие» подробно рассмотрены в работе Б.А. Успенского (см. [11]).

³⁴ Парность изданий – букварь и грамматика – позднее отмечается и для учебников, подготовленных Мелетием Смотрицким.

направлены на изучение христианской догматики. В ответ на это православные авторы в своих книгах также старались усилить катехизаторскую составляющую, которая в изданиях Ивана Федорова была достаточно слаба.

В-четвертых, на этих землях была иная языковая ситуация, и литературный язык стал достаточно сильно отличаться от церковнославянского. Методические вопросы обучения при этом отходили на второй план: букварь, в первую очередь, становился инструментом конфессионального просвещения и обучения. Но, заимствуя форму изложения и тексты, православные авторы пытались наполнить их «своим» конфессиональным содержанием. Это было понятно: вопросы чистоты веры и понимание ее отличий от «латинской» для православного населения в Речи Посполитой были весьма актуальны³⁵.

Список литературы:

1. Безрогов, В. Г. Методологические аспекты сравнительных исследований в изучении учебной литературы / В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева // Отечественная и зарубежная педагогики. – 2013. – № 4 (13). – С. 6–22.
2. Гусева, А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. Кн. 1 / А. А. Гусева. – М.: Индрик, 2003.
3. Западноевропейская и российская учебная литература XVI – начала XX вв. (конфессиональный аспект). – М., 2013.
4. Корзо, М. А. О конфессиональном «облике» польских букварей XVI–XVII вв. / М. А. Корзо // Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 13. – М., 2013.
5. Корзо, М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблемы заимствования / М. А. Корзо. – М.: Канон+, 2007.
6. Лукьяненко, В. И. Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности / В. И. Лукьяненко // ТОДРЛ. Т. XVI. – М.-Л., 1960.
7. Мошкова, Л. В. Букварь Ивана Федорова в ряду славянских букварей XVI века / Л. В. Мошкова // Материалы Международной конференции «450 лет „Апостолу“ Ивана Федорова». Москва, 13–14 марта 2014 г. – (В печати).
8. Мошкова, Л. В. Конфессиональный компонент в славянской литературе для начального обучения XVI–XVII вв. / Л. В. Мошкова // Западноевропейская и российская учебная литература XVI–XX вв. (конфессиональный аспект). – М.: ИЦ ИЭТ, 2013.
9. Немировский, Е. Л. Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси. Описание изданий и указатель литературы / Е. Л. Немировский. – М.: Пашков дом, 2010. – С. 28–291.

³⁵ Именно поэтому при появлении в Московской Руси в середине XVII столетия в результате никоновской реформы религиозного конфликта, «образцовыми» букварями для издателей, работавших на Печатном дворе, стали украинские и белорусские учебники первой половины века.

10. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. – М., 1989.
 11. Успенский, Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературно языка / Б. А. Успенский. – М., 1983.
-

Spisok literatury:

1. Bezrogov, V. G. Metodologicheskie aspekty sravnitel'nyh issledovanij v izuchenii uchebnoj literatury / V. G. Bezrogov, O. E. Kosheleva // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogiki. – 2013. – № 4 (13). – S. 6–22.
2. Guseva, A. A. Izdanija kirillovskogo shrifta vtoroj poloviny XVI veka. Svodnyj katalog. Kn. 1 / A. A. Guseva. – М.: Indrik, 2003.
3. Zapadnoevropejskaja i rossijskaja uchebnaja literatura XVI – nachala XX vv. (konfessional'nyj aspekt). – М., 2013.
4. Korzo, M. A. O konfessional'nom «oblake» pol'skih bukvaroj XVI–XVII vv. / M. A. Korzo // Uchebniki detstva. Iz istorii shkol'noj knigi VII–XXI vekov. Trudy seminarja «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki». Vyp. 13. – М., 2013.
5. Korzo, M. A. Ukrainskaja i belorusskaja kateheticheskaja tradicija k. XVI–XVIII vv.: stanovlenie, jevoljucija i problemy zaimstvovanija / M. A. Korzo. – М.: Kanon+, 2007.
6. Luk'janenko, V. I. Azbuka Ivana Fedorova, ee istochniki i vidovye osobennosti / V. I. Luk'janenko // TODRL. T. XVI. – М.-Л., 1960.
7. Moshkova, L. V. Bukvar' Ivana Fedorova v rjadu slavjanskih bukvaroj XVI veka / L. V. Moshkova // Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «450 let „Apostolu” Ivana Fedorova». Moskva, 13–14 marta 2014 g. – (V pechati).
8. Moshkova, L. V. Konfessional'nyj komponent v slavjanskoj literature dlja nachal'nogo obuchenija XVI–XVII vv. / L. V. Moshkova // Zapadnoevropejskaja i rossijskaja uchebnaja literatura XVI–XX vv. (konfessional'nyj aspekt). – М.: IC IJeT, 2013.
9. Nemirovskij, E. L. Ivan Fedorov. Nachalo knigopechatanija na Rusi. Opisanie izdanij i ukazatel' literatury / E. L. Nemirovskij. – М.: Pashkov dom, 2010. – S. 28–291.
10. Oчерки истории shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. S drevnejshih времен do konca XVII v. / отв. ред. Je. D. Dneprov. – М., 1989.
11. Uspenskij, B. A. Jazykovaja situacija Kievskoj Rusi i ee znachenie dlja istorii russkogo literaturno jazyka / B. A. Uspenskij. – М., 1983.